

С. А. Валюлис

*Литовский эдукологический университет
(Вильнюс, Литва)*

Л. УЛИЦКАЯ «МЕДЕЯ И ЕЁ ДЕТИ»: ДИАЛОГ С АНТИЧНОСТЬЮ

Гуманитарное мышление после работ М. М. Бахтина, особенно его концепции диалога, стало рассматриваться как большой диалог образов культуры. Поэтому художественное произведение может прочитываться через призму культурно-семантических пластов, относящихся к разным текстам культуры.

В статье и предпринимается попытка проследить, как в романе Улицкой «Медея и её дети» ремифологизируется образ античной Медеи, как создаётся новый мифологический роман.

Современная литература, вступая в диалог с мифами прошлой культуры, творит новые мифы, помогая современному человеку встать над условным и частным и принять универсальные ценности. Исследователь С. Телегин, как и Е. Мелетинский, считает, что использование мифа не нарушает реалистических принципов творчества: «Мифологическая образность <...> используется реалистическим романом для создания или подтверждения своих конфликтов. <...> Особенно важными в структуре романного мифа оказываются два приёма – «введение в мифологическую ситуацию» и «открытый ритуальный финал» (Телегин 2008: 25). Это, как будет показано позже, характерно и для романа Л.Улицкой. Писательница обращается к мифологической традиции не с целью её сохранения, а переосмысления мифа о Медее. В одном из интервью она сама говорила об этом: «Это вывернутый наизнанку миф о неистовой колхидской царевне Медее <...>. Но главное для меня – не прикосновение к великому мифу, а попытка создать по мере моих сил и разумения памятник ушедшему поколению, к которому принадлежала моя бабушка и многие мои старшие подруги» (Улицкая 2008). Таким образом, сам миф воспринимается Улицкой как средство концептуализации мира, того, что находится вокруг человека и в нём самом.

В романе «Медея и её дети» диалог с античным мифом довольно развёрнут. Для адекватного прочтения смысла этого диалога-игры, кроме самого мифа, необходим контекст, вмещаю-

ший архаические, античные, христианские представления о мире и человеке как субъекте деятельности.

Роман раскрывает тему женского бытия, которое вплетено в исторический и культурный контекст стремительно сменяющихся друг друга исторических эпох: *у неё одного брата убили красные, другого белые, в войну одного фашисты, другого коммунисты* (Улицкая 2008: 5)]. История не движется сама по себе, она проходит через человеческие судьбы. В центре романного повествования – история жизни гречанки Медеи Мендес из рода Синопли, которые поселились *в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах* (Улицкая 2008: 9). Не случайно писательница даёт своей героине имя, наполненное мифологической семантикой, – Медея. Оно включает в себе многоуровневые семантические коннотации, восходя к героине коринфского эпоса Медее. Так, уже в названии – «Медея и её дети» – обнаруживается реминисценция древнегреческого мифа о Медее и Ясоне. Начиная с античности, в истории культуры сформировался устойчивый канон в понимании женской сущности Медеи: мать-детоубийца. Образ античной Медеи слишком ярк и рельефен, а цепь событий, связанных с нею, столь трагична, что, казалось бы, сужает интерпретационное поле мифа и его героини.

Однако уже в названии романа Улицкой содержится очевидный элемент постмодернистской игры, вступающий в конфликт с семантической структурой устойчивой мифологемы: мать – убийца собственных детей. В самом начале повествования мы узнаём, что Медея Мендес *бездетна* и вдова. Следовательно, в отличие от античной Медеи, она заранее лишена возможности совершить грех детоубийства. Напротив, *бездетная Медея собирала в своём доме в Крыму многочисленных племянников и внучатых племянников и вела своё тихое ненаучное наблюдение <...>, она испытывала к ним живой интерес* (Улицкая 2008: 14).

Вдовство и бездетность романной Медеи являются у Улицкой «введением в мифологическую ситуацию» романа, так как являются своеобразной точкой отсчёта для развёртывания сюжетного повествования. Писательница обращается к повседневной жизни героини. Основная жизнь Медеи вращается вокруг дома и семьи – главных составляющих её бытия. Это связано с фабульной событийностью романа, которая представлена *одним летом*, когда в дом Медеи съезжаются многочисленные представители большой семьи Синопли.

В отличие от античной Медеи, которая разрывает родственные связи и разрушает собственную семью (помогая Ясону добыть золотое руно, предаёт отца, убивает своих братьев, умерщвляет собственных детей, мстя Ясону за измену), современная Медея стремится сохранять и укреплять семейные узы. Именно её дом в Крыму является родовым гнездом. Семья Синопли разъехалась по всему свету, и теперь потомки – представители разных национальных культур – каждое лето собираются в старом уютном доме, находящемся в самой верхней части Посёлка, откуда открывается прекрасная панорама Чёрного моря и Крымских гор. Сама Медея и её муж Самуил Мендес воспринимают свой дом как своеобразный аналог «пупа земли». Как мифопоэтический символ «пуп земли» связан с мотивом родового места, местом происхождения человечества. В библейском контексте он символизирует Храм Господень (см.: Керло 2007: 357–358). В романе проводится мысль о существовании общей для всех прародины на берегу моря, поэтому члены семьи Синопли ежегодно возвращаются к своему историческому истоку: *прожаренный солнцем и продутый морскими ветрами дом притягивал <...> это разноплеменное множество* (Улицкая 2008: 55). В доме всегда много детей, отсюда возникает ощущение непрерывности семейной традиции, вечности родовой линии Синопли, берущей начало в античности. Корнями своими семья уходит к древним правителям Микен и Итаки.

Медея Синопли, рождённая на понтийской античной земле, в символическом смысле плод союза Колхиды и Эллады. В истории семьи Медеи заложен мифологический сюжет. Мать Медеи Матильда, подобно мифологической Медее, бежала из родного дома в Батуми ради грека Георгия Синопли, родители которого, Харламбий и Антонида, с незапамятных времён обосновались в греческой колонии в Феодосии.

В романе Л. Улицкой «Медея и её дети» не сохранены «общие места» коринфского мифа о женской сущности Медеи – её страстность, мстительность, способность творить чудеса во имя торжества зла. По мнению Т. Ровенской, Медея безнаказанно творит зло, разрушает даже собственную семью, потому что она не принадлежит светлому эллинскому миру. Она пришла из далёкой варварской страны, принесла с собой варварские законы (см. подробнее: Ровенская 2001: 147–160).

В имени, в описании внешности, некоторых черт характера своей героини писательница использует реминисценции анти-

чной мифологии как открытой апелляции к ней. Во внешности Медеи Синопли есть общие детали не только с античной Медеей, но и с богинями Артемидой, Афиной: *сила и красота тела, прекрасные рыжие, словно воинский шлем, волосы, античные складки шали, горделивая осанка, классические черты сурового лица* и т.д. Остальные же характеристики Медеи Мендес даются на уровне аллюзий, только намекающих на интертекстуальную связь с мифом (напр., обладание волшебным даром мистических прозрений, помощь больным, уход за могилами предков – всё это является аллюзией на хтоническое божество Гекату).

Если в мифе помощь Медеи приводит к разрушению, то в романе героиня обращена к созиданию. В современной Медее нет варварства, мстительности, безумной страсти. Медея Мендес прожила всю жизнь женой одного мужа и продолжала жить его вдовой (Улицкая 2008: 59). Идея любви-страсти чужда ей, она никогда не могла понять этого непостижимого для неё закона <...> сиюминутного желания, каприза или страсти (Улицкая 2008: 191). Даже измена мужа с её сестрой Сандрочкой, рождение их дочери Ники, хотя и воспринимается Медеей как двойное предательство, однако не приводит к разрушению семейных связей, ибо Медея способна прощать.

Идеальным местом признания человеческих индивидуальностей, что вытекает из повествования, Улицкая считает семью – общность, основанную не только на родственных, генетических принципах (у Синопли это укороченный мизинец и рыжие волосы), но, прежде всего, на глубинных человеческих связях. Для всех Синопли главным объединяющим началом становится особое напряжение внутренней, духовной жизни, скрытая глубокая эмоциональность, особый род чувствительности. Это характерно не только для Медеи, но и для Елены, Георгия, Ники, Маши, для детей – Лизы, Алика.

Таким образом, Л. Улицкая, вступая в диалог с античным мифом, «мифогенетическую зону» перемещает из внешнего мира в душу человека, а её героиня Медея оказывается центром нового мифа о женщине с чувством равновесия и гармонии, погружённой в высшее бытие духа. Это и определяет своеобразие структуры романа, густо населённого персонажами. Каждый персонаж – целая человеческая судьба, по которой можно судить об истории.

В фабуле романа представлена повседневная жизнь, однако соотнесённость с мифической Медеей как бы размыкает и время,

и пространство. Человеческая жизнь вплетается в общий круг мироздания. Основному повествованию предшествует Пролог в виде родового древа семьи Синопли, связи этого дерева базируются на «общности крови», однако всё основное повествование, пронизанное воспоминаниями, прежде всего Медеи, её многолетней перепиской с подругой – родственницей армянкой Еленой, убеждает, что семья – это и общность духа предков, и духовная общность живущих сейчас. Силой памяти воскрешённое прошлое становится достоянием Вечности. Поэтому главная носительница этой памяти, Медея Мендес-Синопли, в финале основного повествования жива. О смерти Медеи мы узнаём только в Эпиллоге, который своеобразно замыкает кольцо. Мы вновь встречаемся летом с многочисленной семьёй Синопли, хранителем семейных традиций теперь является её племянник Георгий. Жизнь рода продолжается: к русским, литовским, грузинским, корейским и др. Медеиным потомкам (к родовому древу Синопли) добавлено новое ответвление – чёрная американка родом с Гаити. Не хотелось бы согласиться с К.Парнелл, что финал (она имеет в виду эпиллог) является «приукрашенной утопией в стиле советско-просветительской модели» (Парнелл 2004: 149). Тем более, что сама писательница оставляет открытым финал истории рода: *Это удивительно прекрасное чувство принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех её членов даже не знаешь в лицо и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего* (Улицкая 2008: 319).

Структура романа Л. Улицкой мифологизирована. Е. Мелетинский, раскрывая специфику мифа XX века, отмечает, что мифология «как вечное символическое выражение основ бытия и человеческой психики» используется современной литературой прежде всего как средство структурирования повествования (Мелетинский 2008: 426). Основа структуры романа «Медея и её дети» своеобразна, условно её можно определить так: **круг в круге и за кругом**, что даёт писательнице возможность расширить бесконечность перспективы жизни отдельного человека.

Медея как главная героиня занимает место в центре структуры, все сквозные линии сюжетного развития связаны с её жизнью и судьбой. Не случайным поэтому представлено сравнение Медеи с могучим деревом: *жизнь, которая сама по себе стремительно и бурно менялась – революции, смена правительств, красные, белые, немцы, румыны, одних выселяли, других, пришлых, безродных, вселяли, – придала в конце концов Медее прочность дерева, вплётшего*

корни в каменистую почву, под неизменным солнцем, совершающим своё ежедневное и ежегодное движение (Улицкая 2008: 208–209). Мифологическая символика дерева, камня, солнца, корней снимает исторические дихотомии (революции и т.д.), делается акцент на вечное (мифологическое) время, цикличность которого определяется тем, что круговое движение солнца по горизонтали в античном сознании связано с годом, а по вертикали – с сутками. Это и позволяет Улицкой создать бесконечную перспективу, представить род Синопли событийным звеном в цепи мироздания. Центром мироздания первобытного космоса являлось Мировое дерево. Один из его вариантов – Древо жизни несёт в себе женское начало и связано с женской сакральностью: рождением, плодородием, исцелением, бессмертием (см.: Мифы народов мира 1991: 1, 398–405). Воплощением символика женственного в романе и является Медя.

Мировое дерево в горизонтали создаёт двойное пространство: *круг в круге* – некое звено между Вселенной (макрокосм) и человеком (микрокосм). С учётом этой особенности мифологического сознания и выстраивается пространственная горизонталь в романе: Медя – Дом – Семья (микрокосм); Посёлок – Феодосия – Крым – Чёрное море (макрокосм). Медя – жена, сестра, тётка, подруга. Эта горизонталь раскрывается через сюжетные связи: Медя – Самуил – Елена – Георгий и все родственники с Украины, с Кавказа, из Средней Азии, из Литвы. Временная сфера вынесена за круг.

Пространство *за кругом* связано с вертикалью, с символами Вечности: *камень, вода, природа, Бог, память, смерть и бессмертие*. В этом символическом пространстве Медя – Мать. В тексте романа присутствуют аллюзии, интертекстуально отсылающие к античному образу Кибелы, фригийской богини, олицетворяющей Мать-природу. Медю Улицкой жители посёлка воспринимают как божество. Уже много лет она является «частью местного пейзажа», живёт в единстве и гармонии с природой: *Своими подошвами она чувствовала благосклонность здешних мест* (Улицкая 2008: 12). Словно хозяйка, Медя *размашисто и крупно ходила по окрестной земле* (Улицкая 2008: 10), разумно пользуясь богатствами щедрой Крымской земли: была собирательницей трав, ягод, грибов, драгоценных камней. Выросшая на берегу моря, она хорошо чувствует *все повадки воды, её переменчивость, постоянство, цвет* (Улицкая 2008: 78). Древнегреческий профиль Медеи гармонирует с восточной холмистостью и с каменистыми склонами гор к западу от Посёлка.

Ассоциация Медеи с Кибелой позволяет воспринимать жизнь как неиерархизированный поток (жизнь без начала и конца), что характерно для мифологического сознания, оперирующего законом необходимости. Именно так героиня романа воспринимает жизнь: *Медея не верила в случайность, хотя жизнь её была полна многозначных, странных совпадений и точно подогнанных неожиданностей* (Улицкая 2008: 15).

Уже в мифологии утверждается величие творческого начала женщины. Она есть олицетворение Природы, и не человек учит Природу, но Природа учит человека. И мифологическая, и современная Медея выступают хранительницами сокровенного знания, отсюда и способности видеть явления, недоступные человеческому глазу, вершить мистерию жизни и смерти и т.д. Однако их понимание жизни, поведение и женское предназначение диаметрально противоположны.

Писательница демифологизирует античную Медею. Однако Медея Улицкой оказывается центром нового мифа о женщине с чувством равновесия и гармонии, погружённой в высшее бытие Духа. Это поддерживается и основными символами романа: камень (горы) и вода (море, река, колодец). В романе представлено развёртывание этих символов от их природной сущности (камень как основа бытия; вода как первичная материя) до их духовной сущности (камень как символ несокрушимости, твёрдости духа; вода как символ женственности и мудрости).

У современной Медеи и проявляется «каменная» твёрдость характера и крепость духа. Местоположение её дома, который *стоял в самой верхней части Посёлка, но Усадьба была ступенчатая, с террасами, с колодцем в самом низу* (Улицкая 2008: 20), ассоциируется с женской сущностью героини. Дом, построенный на камне, согласно Библии, символизирует вечность, которая у Улицкой сопрягается с женским, что поддерживается символикой колодца, олицетворяющего «душу и женское начало» (Кирло 2007: 216).

Польская исследовательница И. Тарковска, анализируя роман Улицкой «Медея и её дети», убедительно показывает отличие античной Медеи от современной. По её мнению, главная суть демифологизации определяется тем, что Медея Улицкой является симбиозом эллинизма и ортопраксии (правильный пример христианского вершения добра) (см.: Tarkowska 2008: 279–290). Действительно, современная Медея обращена к милосердию, христианской любви и всепрощению. Она по-христиански за-

ботилась не только о семье, охраняя её целостность и единство (несовершеннолетней девушкой берёт под опеку свою осиротевшую семью, прощает сестре предательство, не отталкивает Нику, мудрость Медеи уравнивает национальную и религиозную разномастность семьи и т.д.), но и помогала окружающим. По профессии медсестра, Медея помогает больным, а также всем, кто нуждается в помощи (даже врагу своему Шевчуку; укрывает татарина Равиля Юсупова от местных властей, а затем завещает ему свой дом). Медея Улицкой руководствуется, в отличие от античной Медеи, не страстями, а правилами христианской нравственности. Не случайно сестра Сандрочка называет её *праведницей*, что и придаёт облику Медеи Мендес черты иконописности: отражение внутреннего света, душевной стойкости, покоя. Возникает аллюзия на Евангельский образ Девы Марии, но одновременно некоторые черты Медеи связаны с Ветхозаветной Саррой (преданность вере, доверие, преданность, любовь к мужу, сила духа). Оба эти начала, присущие Медее, позволяют на символическом уровне воспринимать её как Праматерь человечества. И тогда заглавие романа Улицкой «Медея и её дети» наполняется новым смыслом, переосмысливается мифологический канон о Медее. Это новый миф о женщине как о Великой матери: **матери всех детей** (*Десятки маленьких детей прошли через руки Медеи <...>. Её рукам было знакомо изменчивое ощущение веса детского тела, от восьмифунтового новорожденного <...> до упитанного годовичка* (Улицкая 2008: 247); **матери рода и семьи** (много «работы» и мудрости требовалось от Медеи, чтобы сохранить генеалогию рода и преемственную связь поколений); **матери живой, общей жизни** (это – «созидательное» материнство, связанное с символикой моря как образа матери. По Керло, эта символика в понимании женского даже более важна, чем символика земли, так как это и символ превращения, и возрождения, и бесконечности познания).

Всё это позволяет раскрыть символический смысл образа Медеи Мендес-Синопли, её материнскую изначальность, активное начало по отношению к миру. Она выступает хранительницей таких человеческих ценностей, которые неподвластны времени и вносят гармонию в отношения человека с миром. Для Медеи политические ценности и власть – преходящи: *Что для неё власть? Она верующий человек, другая над ней власть* (Улицкая 2008: 56). Смысл и сущность веры Медея воспринимает не как догму, а как *традиционно христианское решение вопросов жизни, смерти, доб-*

ра и зла <...> – нельзя красть, нельзя убивать – и нет обстоятельств, которые сделали бы зло добром (Улицкая 2008: 232). Медея и живёт в мире веры, верований и обычаев, сопровождающих память истории рода и земли, хранящей античные тайны.

Таким образом, можно утверждать, что мифологически-архаичные черты образа романной Медеи не противоречат её греко-православной религиозности, а создают целостное представление о женщине, смысл жизни которой сводится к добродетельной любви, способствующей укреплению дома и семьи и гармонизации отношений в мире. Улицкая в диалоге с античностью занимает позицию ремифологизатора. Создавая роман, демифологизирует Медею, разрушая канон о её женской сущности, но при этом создаёт миф о женщине как связующем звене между Вечностью и Культурой. Писательница создаёт свой инвариант отношения к женщине и женственному началу, не выходящий, на мой взгляд, за пределы традиции русской философии женственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Кирло Хуан. Словарь символов / Хуан Кирло. – Москва: Центрполиграф, 2007. – 521 с.
- Мелетинский Е. М. Избранные статьи и воспоминания / Е. М. Мелетинский. – Москва: РГГУ, 2008. – 571 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х тт. / т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1991. – 671 с.
- Парнелл Кристина. Голоса других. Женщины и меньшинства в постсоветской литературе / Кристина Парнелл // *Frauen Literatur Geschichte*. – Band 18. – Fichtenwalde, 2004. – 209 S.
- Ровенская Т. Роман Улицкой «Медея и её дети» и повесть Петрушевской «Маленькая Грозная»: опыт нового женского мифотворчества / Т. Ровенская // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. – 2001. – № 1. – С. 137–163.
- Tarkowska Joanna. *Mit kobiety w powieści Ludmiły Ulickiej Medea i jej dzieci – ortopraksja i hellenizm* / Joanna Tarkowska // *Rossica Lublinensia*. – Volum V. – Lublin: UMCS, 2008. – P. 279–289.
- Телегин С. Русский мифологический роман / С. Телегин. – Москва: Компания Спутник, 2008. – 351 с.
- Улицкая Людмила. Медея и её дети / Людмила Улицкая. – Москва: ЭКСМО, 2008. – 319 с.
- Улицкая Л. Принимаю всё, что даётся. Беседу вела А. Гостева / Л. Улицкая // *Вопросы литературы*. – 2000. – №1.

L. Ulickaya's 'Medea and Her Children': Dialogue with Antiquity Summary

The article argues that L. Ulickaya's novel presents a reconsidered ancient myth about Medea as a mother-murderer. The writer demythologizes ancient understanding of the woman as a vessel of the evil. Mythological 'general places' are not preserved in the novel. On the contrary, these places disturb picturesque and symbolic structure of the literary work and generate the anti-myth: L. Ulickaya's Medea is a childless woman and a widow.

On the one hand, L. Ulickaya's Medea contains Hellenic understanding of a human being (connection with cosmic power, magic abilities, etc.); on the other hand, Medea is a Christian righteous person, a defender, a healer of souls, and a symbolical proto-mother of humanity.

Though 'Medea and Her Children' is a contemporary novel, its structure is characteristic of a mythological novel.

Keywords: *Ulickaya, antique myth, Christian values, Medea, dialog, modern mythological novel.*